

Общая психология, психология личности, история психологии

УДК 159.923.2
ББК Ю932 + Ч6:Ю752.62

Я-КОНЦЕПЦИЯ, ЛИЧНОСТЬ И ВОСПРИЯТИЕ СЦЕН НАСИЛИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ КИНОФИЛЬМОВ). СООБЩЕНИЕ 1

М.В. Зубакин, Л.Я. Дорфман

Изучена роль характеристик личности в качестве опосредующих звеньев между Я-концепцией и психосемантическим оцениванием художественных кинофильмов, содержащих сцены насилия. Обсуждаются теоретико-эмпирические предпосылки изучения восприятия сцен насилия в средствах массовой информации.

Приводятся результаты обзора и анализа классических и современных исследований по проблеме влияния сцен насилия на личность и ее Я-концепцию, свидетельствующие о существовании двух направлений такого рода исследований. Первое сосредоточено на изучении непосредственного влияния сцен насилия на когнитивные и эмоциональные процессы, а также поведение зрителей. Второе – на изучение влияния внутренних диспозиций зрителя (психологических черт, установок, убеждений и т. д.) на особенности восприятия сцен насилия и оценку привлекательности этих сцен. По материалам обзора установлен определенный дефицит исследований о роли Я-концепции при восприятии сцен насилия. Отсутствие сведений о взаимосвязи особенностей Я-концепции с характером психосемантического оценивания кинофильмов со сценами насилия на фоне наличия их связей с чертами личности, определяющими характер такого оценивания, позволило выделить проблему исследования, заключающуюся в необходимости изучения роли черт личности в качестве медиаторов между Я-концепцией и оцениванием сцен насилия. Описаны цели, задачи и гипотезы исследования, представлены общая схема и метод исследования.

Ключевые слова: Я-концепция, полимодальное Я, самоактуализация, поиск ощущений, психосемантическое оценивание, сцены насилия в средствах массовой информации.

Введение

Исследования влияния сцен насилия в СМИ на зрителей (слушателей, читателей, геймеров и т. п.) сводятся, как правило, к проблеме агрессии (Берковиц, 2007; Крейхи, 2003; Тейлор, Пипло, Сирс, 2004). Источниками такого рода «медиа-насилия» могут выступать художественные, мультипликационные и документальные фильмы, телесериалы, новостные передачи, популярные телешоу и спортивные телепрограммы, аудиозаписи музыкальных произведений и книг, видеоигры и он-лайн игры в сети Интернет (Bushman, Cantor, 2003). С некоторой долей условности в исследованиях влияния медиа-насилия на зрителей можно выделить два направления. В рамках первого из них изучаются влияния таких сцен на эмоциональную, когнитивную и поведенческую сферу личности. Внимание

исследователей сосредоточивается при этом на внешних факторах (социальный или родительский контроль, демографические характеристики, социально-экономические условия и т. п.). Второе, менее разработанное, направление исследований фокусируется на внутренних факторах (особенности / черты) личности, установки и убеждения, эмоциональные состояния зрителей и т. п.).

К первому направлению относится большинство «классических» исследований (Берковиц, 2007; Крейхи, 2003; Gentile, Bushman, 2012). В выполненном Anderson et al (2010) метаанализе было показано влияние сцен насилия на агрессивные мысли и аффекты, физиологическое возбуждение, эмпатию / десенсибилизацию, агрессивное и просоциальное поведение игроков в видеоигры. Было обнаружено, что видеоигры с насилием могут

выступать фактором риска, повышающим агрессивное поведение, вызывающим агрессивные мысли и аффекты, снижающим сочувствие и склонность к просоциальному поведению. В работах Bösch (2009, 2010) были установлены влияния видеоигр с насилием на активацию у мужчин сценариев агрессивного типа и по типу игрового соперничества. Сходные результаты были получены в исследовании Ferguson, Rueda (2010), в ходе которого участникам исследования предлагалось играть в компьютерные игры со сценами насилия после неудачного решения ими познавательной задачи. Установлено, что такие игры приводят не столько к росту агрессии, сколько к снижению депрессии и враждебных чувств. Видеоклипы со сценами насилия приводят к десенсибилизации: эмпатия к жертвам насилия снижается (Krahe et al., 2011). У молодых мужчин обнаруживается эмпатия к жертвам насилия на ТВ-экране в том случае, если их предупредили о реальности происходящих событий, и снижение ее уровня в случае их информирования о том, что это насилие реконструируется в виде ТВ-шоу и клипов (Ramos et al., 2013). Сцены насилия в ТВ-новостях также вызывают у зрителей отрицательные эмоции (Unz et al., 2008). Вопреки предсказаниям, наиболее частыми были эмоции гнева, печали, отвращения, презрения, а не страха.

В выполненном нами исследовании было обнаружено, что в ответ на восприятие кинофильма со сценами насилия у обследованных снижалась депрессия по симптомам несостоятельности, самообвинения, ощущения веса тела, что расценено как уподобление катарсису (Дорфман, Зубакин, 2012).

В рамках второго направления исследований можно отметить публикацию Banerjee et al. (2009) о результатах изучения у зрителей вклада уровня выраженности поиска ощущений в оценку привлекательности кинофильмов, которые описывались испытуемыми в терминах настроения («позитивное/ негативное») и возбуждения («высокое/низкое»). Было установлено, что зрителей с высокой выраженностью поиска ощущений привлекают возбуждающие кинофильмы. В другом исследовании Banerjee et al. (2008) показана связь проявлений агрессивности, поиска ощущений и склонности к рискованному поведению с предпочтением телевизионных передач, содержащих вербальную агрессию, у студентов колледжей.

Агрессивность как черта личности зрителей может влиять на предпочтения кинофильмов определенного жанра: лица с выраженной агрессивностью склонны выбирать кинофильмы с высоким содержанием насилия, а после их просмотра они испытывают больше гнева, чем зрители с низкой агрессивностью, и проявляют агрессию к партнеру при совместном выполнении задания, (Bushman, 1995). После просмотра кинофильмов со сценами насилия у зрителей с высоким уровнем агрессивности и враждебности возникают агрессивные мысли и эмоции (Bushman, Geen, 1990).

Зрители с пограничной организацией психики (импульсивные, гневливые, с диссоциативными расстройствами, непостоянные в межличностных отношениях, испытывающие страх социальной изоляции и одиночества, злоупотребляющие психоактивными веществами и т.п.) после сообщений по ТВ о бросающих своих детей родителях были готовы совершить физическое насилие над партнером (Congrad, Mogrow, 2000). Склонные к реактивному сопротивлению интернальные зрители проявляют повышенный интерес к кинофильмам со сценами насилия, предъявлению которых предшествуют ограничительные предупреждения (Bushman, Stack, 1996).

В выполненном нами другом исследовании у зрителей изучались личностные черты в их взаимосвязи с психосемантическим оценением кинофильмов, содержащих сцены насилия (Дорфман, Зубакин, 2013). По результатам корреляционного и дисперсионного анализа были обнаружены связи особенностей поиска ощущений (Zuckerman, 1978) со значениями психосемантической шкалы «Оценка»: повышение уровня поиска ощущений сопрягалось с ростом значений по фактору «Оценка» в случае просмотра кинофильма со сценами насилия. Можно предположить, что поиск ощущений как черта личности может служить фактором, способствующим позитивному восприятию зрителями кинофильмов со сценами насилия.

Предмет исследования

Число исследований влияния просмотра сцен насилия в СМИ на личность и поведение зрителей существенно больше, чем число работ, в которых изучается влияние личности на восприятие ею проявлений медиа-насилия. Вопрос о вкладе Я-концепции в восприятие медиа-насилия, а также вопрос о совместных

вкладах Я-концепции и черт личности зрителей в психосемантическое оценивание ими сцен насилия в художественных кинофильмах изучен вообще недостаточно.

Исходные теоретико-эмпирические предпосылки

Предпосылками выполненного нами исследования (и в определенном смысле – его границами) являлись описанные выше данные о том, что, во-первых, восприятие сцен насилия в СМИ связано с некоторыми чертами личности (поиском ощущений, агрессивностью и враждебностью), и, во-вторых, черты личности обнаруживают связь с Я-концепцией. В частности, результаты некоторых исследований, выполненных в русле концептуальной модели «полимодального Я» (Дорфман, 2004), свидетельствуют о наличии связи субмодальности «Авторское Я» со склонностью к физической агрессии (Шестакова, 2011), с самоуважением как компонентом самоактуализации (Дорфман, Соболева, 2000). Субмодальность «Воплощенное Я» оказывается связанной с поиском ощущений, переживаний и нового опыта (Зубакин, 2010), с физической агрессией (Шестакова, 2010; Шестакова, 2011), субмодальность «Превращенное Я» связана с агрессивностью и враждебностью (Шестакова, 2010; Шестакова, 2011), а субмодальность «Вторящее Я» – с замедлением глубоких контактов с людьми как одного из компонентов самоактуализации (Дорфман, Соболева, 2000).

Такого рода данные создают определенные теоретико-эмпирические предпосылки для выполнения исследования совместных вкладов полимодального Я и описанных выше черт личности в психосемантическое оценивание кинофильмов со сценами насилия.

Проблема

Результаты пилотных исследований показывают, что ни одна из субмодальностей Я не связана напрямую с особенностями психосемантического оценивания сцен насилия в художественных кинофильмах. Вместе с тем, некоторые черты личности (поиск ощущений, агрессивность и враждебность) оказываются связанными одновременно и с восприятием сцен насилия, и с полимодальным Я (см. выше). Кроме того, по нашим данным (Зубакин, 2013), некоторые черты личности, связанные с самоактуализацией (самопринятие, гибкость поведения, контактность, самоуважение,

креативность) и отдельные черты личности (отзывчивость, «адаптированный ребенок», беспомощность – по Gough and Heilbrun, 1983) также коррелируют как с психосемантическим оцениванием сцен насилия в кинофильмах, так и с субмодальностями Я.

Вместе с тем, до сих пор остается эмпирически не исследованным вопрос о возможности рассматривать упомянутые выше черты личности в качестве медиаторов между полимодальным Я и психосемантическим оцениванием насилия. Кроме того, в случае выполнения такого рода функции медиаторов остается неясным, как может изменяться оценивание сцен насилия в зависимости от проявленности таких личностных черт. В частности, остается открытым вопрос о том, являются ли такие медиаторы фасилитаторами или ингибиторами влияния полимодального Я на такое оценивание.

Гипотезы и общая схема исследования

Центральная гипотеза исследования состояла в том, что исследуемые черты личности (поиск ощущений, агрессивность, враждебность, самопринятие, гибкость поведения, контактность, самоуважение, креативность, отзывчивость, «адаптированный ребенок», беспомощность) выступают в роли опосредующих звеньев (медиаторов) между полимодальным Я и психосемантическим оцениванием сцен насилия в кинофильмах.

Исследовательские гипотезы тестировались в терминах структурных линейных уравнений. Модели классифицировались по трем уровням: с начальной, средней и высокой степенью интеграции.

К начальному уровню интеграции были отнесены модели, в состав которых включались переменные в границах отдельных концепций:

- личности (по Gough and Heilbrun, 1983);
- агрессивности и враждебности (по Buss and Durkee, 1957);
- самоактуализации (по Shostrom, 1963);
- поиска ощущений (по Zuckerman, Eysenck, and Eysenck, 1978).

К среднему уровню интеграции были отнесены модели, в состав которых включались статистически пригодные переменные-медиаторы из двух концепций начального уровня интеграции. Модели высокого уровня интеграции включали в себя статистически

пригодные переменные-медиаторы из трех концепций начального уровня интеграции.

Цель и задачи исследования

Целью исследования является определение роли черт личности как медиаторов между полимодальным Я и психосемантическим оцениванием сцен насилия в кинофильмах.

В соответствии с гипотезами и общей схемой исследования были сформулированы 4 задачи, три из которых связаны с изучением моделей с начальным, средним и высоким уровнями интеграции, а четвертая – с определением статистически наиболее пригодных из них.

Метод исследования

Участники

В исследовании приняли участие 199 студентов факультета физики Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета (159 человек) и факультета документально-информационных коммуникаций Пермской государственной академии искусства и культуры (40 человек), в том числе – 100 юношей и 99 девушек в возрасте от 18 до 24 лет ($M = 19,52$, $SD = 1,13$).

Процедура

Участники исследования в смешанных по полу группах (численностью от 10 до 15 человек) просматривали содержащий сцены насилия кинофильм в приспособленных для кинопоказа учебных аудиториях, с последующей его оценкой посредством стандартного 25-пунктного вербального семантического дифференциала Ч. Осгуда (в адаптации М. Эткинда, 1979). Характеристики полимодального Я и черт личности участников определялись в лабораторных условиях.

Стимульный материал

В качестве стимульного материала использовались кинофильмы, которым в соответствии с принятой в РФ системой оценки содержания кинопродукции (см. Федеральный закон от 29.12.2010 N 436-ФЗ) была присвоена категория «18+», поскольку содержание медиа-продукта «...содержит натуралистичное изображение или описание сцен насилия...» (жанр «фильмы ужасов»)¹.

Разным группам участников исследования предъявлялись кинофильм «Техасская

резня бензопилой» (реж. М. Ниспел, 2003 г.) и кинофильм «Техасская резня бензопилой. Начало» (реж. Д. Либесман, 2006 г.). Продолжительность сцен насилия в первом кинофильме составляла 27,8 минут (при общей продолжительности в 92 минуты), во втором кинофильме – 28,7 минут (при общей продолжительности в 91 минуту). Удельный вес длительности сцен насилия в общей продолжительности кинофильма составлял 25,58 % и 26,1 % соответственно. Предъявление кинофильмов разным группам зрителей носило случайный характер.

Методики исследования

Семантический дифференциал (СД)

С помощью СД строилось психосемантическое пространство оценок зрителями просмотренного ими кинофильма со сценами насилия по 25 биполярным вербальным шкалам-антонимам с регистрацией выбора по семибалльно градуированным шкалам. Координатами психосемантического пространства оценки кинофильма служили три классических фактора (шкалы): Оценка, Активность, Сила (Эткин, 1979).

Полимодальный вопросник Я (ПВЯ)

Для измерения субмодальностей полимодального Я использовался 38-пунктный Полимодальный вопросник Я (Дорфман, 2008), предназначенный для измерения выраженности четырех субмодальностей полимодального Я: Авторского, Воплощенного, Превращенного, Вторящего. В структуре вопросника по 8 пунктов предназначены для оценки каждой субмодальности, 4 пункта являются маскировочными и 2 пункта относятся к шкале лжи. Ответы участников градуируются по шестиступенной шкале в диапазоне от –3 до +3 баллов по степени их согласия с представленными в вопроснике суждениями с последующим переводом значений баллов в значения от 1 до 6. Вопросник прошел успешную проверку на психометрическую надежность, конвергентную и конструктивную валидность (Дорфман, 2008; Шестакова, 2011).

Контрольный каталог прилагательных (ККП)

ККП представляет собой набор описывающих качества личности 300 прилагательных, сформулированных в рамках концепций Г. Олпорта и Х. Одберта, Р. Кеттелла, Э. Берна и др. (Gough, Heilbrun, 1983). Включенные в каталог прилагательные распределяются по 37 шкалам (достижения, доминант-

¹ Такая маркировка содержательно соотносится с принятыми Американской Киноассоциацией (МРАА, США) рейтингами медиа-продукции «R» и «X(NC-17)», (Bushman, Cantor, 2003).

ность, агрессивность, креативность и др.). В описываемом исследовании использовались три шкалы, значимо коррелирующие с психосемантическим оцениванием кинофильмов и субмодальностями Я: отзывчивость (33 прилагательных), беспомощность (42 прилагательных) и адаптированный ребенок (44 прилагательных).

Агрессивность и враждебность личности

Они определялись вопросником агрессии Басса–Дарки (2005), представленным 75 пунктами, распределенными по шкалам «физическая агрессия и подозрительность» (по 10 пунктов), «косвенная агрессия и чувство вины» (по 9 пунктов), «вербальная агрессия» (13 пунктов), «негативизм» (5 пунктов), «раздражение» (11 пунктов) и «обида» (8 пунктов). После обработки эмпирических данных путем ротации факторов в процессе эксплораторного факторного анализа были выделены две компоненты (Дорфман, Шестакова, 2010):

1) «Агрессивность», образованная шкалой негативизма и шкалами вербальной, физической и косвенной агрессии;

2) «Враждебность», образованная шкалами обиды, чувства вины и раздражительности.

Описываемое исследование опиралось прежде всего на анализ данных по шкалам, образующим фактор «Враждебность», поскольку они значимо коррелировали с психосемантическим оцениванием кинофильмов и показателями субмодальностей Я.

Самоактуализационный тест (САТ)

САТ основан на опроснике личностных ориентаций Shostrom (1963), разработанного, в свою очередь, в соответствии с положениями теории самоактуализации Маслоу (2009). САТ адаптирован к русскоязычной популяции (Алешина, Гозман, Дубовская, 1987). Принимались во внимание результаты только по тем пяти шкалам из четырнадцати (в оригинальном варианте), которые значимо коррелировали с показателями психосемантического оценивания кинофильмов и субмодальностей Я: гибкость поведения (24 пункта), самопринятие (21 пункт), контактность (20 пунктов).

Вопросник поиска ощущений М.

Цукермана (ВПО)

ВПО (Zuckerman, Eysenck, & Eysenck, 1978, перевод и адаптация Дорфмана, Зубакина) создан на основе концепции поиска ощу-

щений Zuckerman (1994). В оригинальной версии ВПО содержит 40 пунктов (по 10 пунктов на шкалы поиск впечатлений и приключений, поиск переживаний и нового опыта, растормаживание и подверженность скуке). ВПО подвергался проверке на психометрическую надежность на русскоязычной выборке, $n = 213$. Значения коэффициента альфа Кронбаха составили 0,61 и 0,64 по шкалам поиска переживаний и нового опыта и растормаживания соответственно. По шкале поиска впечатлений и приключений значение коэффициента альфа Кронбаха составило 0,74. Шкала подверженности скуке имела низкое значение коэффициента альфа Кронбаха (0,35) и исключалась из дальнейшего анализа данных.

Анализ данных

Общая схема

Модели строились с помощью структурных линейных уравнений, в которых субмодальности Я рассматривались как экзогенные переменные, психосемантическое оценивание кинофильмов – как эндогенные переменные, а черты личности – как переменные-медиаторы. Экзогенные переменные включались в модели как коррелирующие. Экзогенные переменные и переменные-медиаторы включали по три манифестные переменные, а эндогенная переменная – две манифестные переменные (шкалы «Оценка» и «Сила»).

Уровни тестируемых моделей

В моделях с начальным уровнем интеграции (А) медиаторами выступали переменные:

- личности по Gough and Heilbrun (1983) с 3 манифестными переменными, в роли каковых выступали отзывчивость, адаптированный ребенок, беспомощность;

- враждебности по Бассу-Дарки с 3 манифестными переменными; их выражали обида, чувство вины, раздражение;

- самоактуализации по Shostrom (1963) с 3 манифестными переменными; их выражали гибкость поведения, самопринятие, контактность;

- поиска ощущений по Zuckerman, Eysenck, and Eysenck (1978) с 3 манифестными переменными; в их роли выступали растормаживание, поиск впечатлений и приключений, поиск переживаний и нового опыта.

Всего тестированию были подвергнуты 4 модели с начальным уровнем интеграции.

В моделях со средним уровнем интеграции (В) медиаторами выступали переменные

личности из двух моделей, характеризующих начальный уровень интеграции и являющихся статистически пригодными. Одна переменная-медиатор выступала в роли инварианта, а вторая переменная-медиатор варьировалась. В первую группу моделей (B1) включались враждебность и черты личности по Gough and Heilbrun, враждебность и самоактуализация. Во вторую группу моделей (B2) включались черты личности по Gough and Heilbrun и поиск ощущений, черты личности по Gough and Heilbrun и самоактуализация. В третью группу моделей (B3) включались поиск ощущений и враждебность, поиск ощущений и самоактуализация. Таким образом, тестированию подвергались 6 моделей со средним уровнем интеграции.

В моделях с высоким уровнем интеграции (C) медиаторами выступали переменные личности из трех моделей, характеризующих начальный уровень интеграции и являющихся статистически пригодными. Одна переменная-медиатор выступала в роли инварианта, а две другие варьировались. В первую группу моделей (C1) включались враждебность, черты личности по Gough and Heilbrun и самоактуализация. Во вторую группу (C2) включались поиск ощущений, черты личности по Gough and Heilbrun и враждебность; поиск ощущений, самоактуализация и враждебность; поиск ощущений, черты личности по Gough and Heilbrun и самоактуализация. Таким образом, тестированию подвергались 4 модели с высоким уровнем интеграции.

Модели с наиболее высокими уровнями пригодности внутри разных классов интеграции сравнивались на предмет определения моделей с наибольшей кроссклассовой пригодностью по χ^2 -тесту на различия:

$$\chi^2 M_1 - \chi^2 M_2 / df M_1 - df M_2,$$

где M_1 и M_2 – сравниваемые модели, df – степени свободы этих моделей.

Более вероятной считается модель с меньшим значением χ^2 (Bryant, Yarnold, 1998).

Индексы пригодности моделей

Функция расхождения определялась методом максимального правдоподобия (Maximum Likelihood). Поиск базового решения определялся методом кубической интерполяции (Cubic interpolation). Пригодность модели оценивалась по 5 индексам: χ^2 статистика; ошибка аппроксимации по Стейгеру-Линду (RMSEA); индекс пригодности (GFI); отрегулированный индекс пригодности (AGFI); сравнительный индекс пригодности (CFI).

Принималось во внимание, что незначительная χ^2 статистика свидетельствует в пользу пригодности модели (Bryant, Yarnold, 1998). Кроме того, учитывалось, что χ^2 статистика может быть значимой и для моделей с высокой пригодностью, поскольку зависит от размера выборки (Bentler, 1995).

Ошибка аппроксимации по Стейгеру-Линду (Steiger and Lind's root mean square error of approximation, RMSEA) определялась по величине индекса Стейгера-Линда: значения 0,05 и меньше свидетельствуют о хорошей пригодности, 0,06–0,08 – о приемлемой пригодности. Близкие к 0,10 значения индекса RMSEA свидетельствуют о слабой пригодности модели (Steiger, 1990).

Рассчитываемые значения следующих трех индексов: «хорошей» пригодности (goodness-of-fit index, GFI), отрегулированной «хорошей» пригодности (adjusted goodness-of-fit index, AGFI) и сравнительной пригодности (Bentler comparative-fit-index, CFI) варьируют в диапазоне от 0 («полная непригодность модели») до 1 («полная пригодность модели»).

При этом модель считается приемлемой в отношении эмпирических данных при индексе «хорошей» пригодности (GFI), превышающем порог 0,90, и показывающей хорошую пригодность при индексе, превышающем порог 0,95 (Marsh, Grayson, 1995; Schermelleh-Engel, Moosbrugger, Müller, 2003; Schumacker, Lomax, 1996).

Модель считается приемлемой в отношении эмпирических данных при индексах отрегулированной «хорошей» пригодности (AGFI) и сравнительной пригодности (CFI), превышающих порог 0,85, и показывающей хорошую пригодность при индексе, превышающем порог 0,90 (Jöreskog, Sörbom, 1989; Bentler, 1990).

Таким образом, проведенный выше анализ теоретико-эмпирических предпосылок позволяет определить предмет и гипотезы исследования, направленного на экспериментальное изучение восприятия сцен насилия в средствах массовой информации и художественных кинофильмах под определенным углом зрения. Предполагается, что некоторые черты личности служат опосредующими звеньями между Я-концепцией (полимодальным Я) и психосемантическим оцениванием кинофильмов, содержащих сцены насилия. Кроме того, обозначены метод и общая схема исследования.

Литература/References

1. Алешина Ю.Е., Гозман Л.Я., Дубовская Е.М. Измерение уровня самоактуализации личности. Социально-психологические методы исследования супружеских отношений. М., Изд-во МГУ, 1987. С. 91–114. [Aleschina Yu.E., Gozman L.Ya., Dubovskaya E.M. *Izmerenie urovnya samoaktualizatsii lichnosti. Sotsial'no-psikhologicheskie metody issledovaniya supruzheskikh otnosheniy.* (Measuring the level of self-actualization. Socia-psychological research methods marital relations). Moscow, MGU Publ., 1987, pp. 91–114.]
2. Басс А., Дарки А. Опросник Басса-Дарки для диагностики состояния агрессии. М., Когито-Центр, 2005. [Bass A., Darki A. *Oprosnik Bassa-Darki dlya diagnostiki sostoyaniya agressii.* (Bass-Darky questionnaire to diagnose the state of aggression). Moscow, Kogito-Tsentr Publ., 2005.]
3. Берковиц Л. Насилие в масс-медиа. Агрессия: причины, последствия и контроль. – СПб., Прайм-Еврознак, 2007. С. 238–280. [Berkovits L. *Nasilie v mass-media. Agressiya: prichiny, posledstviya i kontrol'.* (Violence in the media. Aggression: causes, consequences and control). St. Petersburg, Praym-Evroznak Publ., 2007, pp. 238–280.]
4. Дорфман Л.Я. Психометрическая характеристика Пермского вопросника Я. Современная психодиагностика в изменяющейся России, Челябинск, Изд-во ЮУрГУ, 2008, С. 48–50. [Dorfman L.Ya. *Psikhometricheskaya kharakteristika Permskogo voprosnika Ya. Sovremennaya psikhodiagnostika v izmenyayushcheyssya Rossii.* (Psychometric properties of the questionnaire Ya Perm. Modern Psychodiagnostics in changing Russia). Chelyabinsk, South Ural St. Univ. Publ., 2008, pp. 48–50.]
5. Дорфман Л. Я. Я-концепция: дифференциация и интеграция. Интегральная индивидуальность, Я-концепция, личность. М.: Смысл, 2004, С. 96–123. [Dorfman L.Ya. *Ya-kontseptsiya: differentsiatsiya i integratsiya. Integral'naya individual'nost', Ya-kontseptsiya, lichnost'.* (Self-concept: differentiation and integration. Integral individuality, self-concept, personality). Moscow, Smysl Publ., 2004, pp. 96–123.]
6. Дорфман Л.Я., Зубакин М.В. Личностные особенности восприятия художественных кинофильмов со сценами насилия. Вестник ЮУрГУ, серия «Психология». 2013. Т. 6, № 2. С. 13–24. [Dorfman L.Ya., Zubakin M.V. Personality characteristics of perception feature films with scenes of violence. 2013, *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Psychology*, vol. 6, no. 2, pp. 13–24. (in Russ.)]
7. Дорфман Л.Я., Зубакин М.В. Психо-семантическая оценка сцен насилия в художественных кинофильмах и депрессия зрителей. Вестник ЮУрГУ, серия «Психология». 2012. Вып. 17, № 19 (278). С. 20–29. [Dorfman L.Ya., Zubakin M.V. Psychosemantic assessment of violence in feature films and depression viewers. 2012, *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Psychology*, issue 17, no. 19(278), pp. 20–29. (in Russ.)]
8. Дорфман Л.Я., Соболева Н.В. Поли-модальность Я и грани самоактуализации. Практическая психология 2000. Екатеринбург, Уральский государственный педагогический университет, 2000, Т. 3. С. 22–27. [Dorfman L.Ya., Soboleva N.V. *Polimodal'nost' Ya i grani samoaktualizatsii. Prakticheskaya psikhologiya 2000.* (I polymodality verge of self-actualization. Applied Psychology in 2000). Yekaterinburg, Ural. state pedagogical univ. Publ., 2000, T. 3, pp. 22–27.]
9. Дорфман Л.Я., Шестакова Е.Г. Негативные и позитивные аспекты агрессивности. Юбилейная конференция «125 лет Московскому психологическому обществу», М., 25–27 марта 2010 г. [Dorfman L.Ya., Shestakova E.G. [Negative and positive aspects of aggression]. *Yubileynaya konferentsiya «125 let Moskovskomu psikhologicheskomu obshchestvu».* [Anniversary Conference "125 years of Moscow Psychological Society."], Moscow, 2010.]
10. Зубакин М.В. Креативный потенциал и поиск ощущений личности. Психология творчества: наследие Я.А. Пономарева и современные исследования. Пермь, Пермский гос. ин-т искусства и культуры, М., Институт психологии РАН, 2010. С. 103–106. [Zubakin M.V. *Kreativnyy potentsial i poisk oshchuscheniy lichnosti. Psikhologiya tvorchestva: nasledie Ya.A. Ponomareva i sovremennye issledovaniya.* (Creative potential and help feelings of the individual. The psychology of creativity: the legacy of JA Ponomarev and modern research). Perm', Permskiy gos. in-t iskusstva i kul'tury, Moscow, Institut psikhologii RAN Publ., 2010, pp. 103–106.]
11. Зубакин М.В. Черты личности и восприятие кинофильмов со сценами насилия. Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук, №12(59), Ч. II, М., 2013,

C. 358–362. [Zubakin M.V. (Personality traits and the perception of movies with scenes of violence.) *Actual problems of the humanities and natural sciences*, no. 12 (59), Part II, Moscow, 2013, pp. 358–362. (in Russ.)]

12. Крейхи Б. Насилие и агрессия в средствах массовой информации. Социальная психология агрессии. СПб, Питер, 2003. С. 113–147. [Kreykhi B. *Nasilie i agressiya v sredstvakh massovoy informatsii. Sotsial'naya psikhologiya agressii*. (Violence and aggression in the media. Social psychology of aggression). St. Petersburg, Piter Publ., 2003, pp. 113–147.]

13. Маслоу А. Самоактуализация. Мотивация и личность. 3-е изд., СПб., Питер, 2009, С. 186–231. [Maslou A. *Samoaktualizatsiya. Motivatsiya i lichnost'*. (Self-actualization. Motivation and Personality). 3rd ed., St. Petersburg, Piter Publ., 2009, pp. 186–231.]

14. Тейлор Ш., Пипло Л., Сирс Д. Агрессия. Социальная психология. 10-е международное издание. М., Питер, 2004, С. 583–643. [Teylor Sh., Piplo L., Sirs D. *Agressiya. Sotsial'naya psikhologiya*. (Aggression. Social psychology). 10th international ed. Moscow, Piter Publ., 2004, pp. 583–643.]

15. Федеральный закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ (ред. от 28.07.2012). О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию. [www.consultant.ru](http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=141388); <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=141388>; <http://www.rg.ru/2012/07/30/zakon-dok.html>. [Federal'nyy zakon ot 29.12.2010 N 436-FZ (red. ot 28.07.2012). *O zashchite detey ot informatsii, prichinyayushchey vred ikh zdorov'yu i razvitiyu*. (Federal Law of 29.12.2010 N 436-FZ (as amended on 28.07.2012). The protection of children from information harmful to their health and development). Available at: www.consultant.ru; <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=141388>; <http://www.rg.ru/2012/07/30/zakon-dok.html>]

16. Шестакова Е.Г. Агрессивность в структуре личности: интегративный подход: канд. дисс., Пермь, 2011, 184 с. [Shestakova E.G. *Agressivnost' v strukture lichnosti: integrativnyy podkhod: kand. diss.* (Aggression in the structure of personality: an integrative approach: PhD thesis). Perm', 2011, 184 p.]

17. Эткинд А.М. Опыт теоретической интерпретации семантического дифференциала. Вопросы психологии, 1979, № 1. С. 17–27. [Etkind A.M. (Experience the theoretical inter-

pretation of the semantic differential) *Questions of psychology*, 1979, no. 1, 17–27. (in Russ.)]

18. Anderson C.A., Bushman B.J., Ihori N., Rothstein H.R., Sakamoto A., Saleem M., Shibuya A., & Swing E.L. (2010). Violent video game effects on aggression, empathy, and prosocial behavior in eastern and western countries: a meta-analytic review. *Psychological Bulletin*, 136(2), pp. 151–173.

19. Banerjee S.C., Greene K., Krcmar M., and Bagdasarov Z. (2009). Who watches verbal aggressive show? An examination of personality and other individual difference factors in predicting viewership. *Journal of Media Psychology*, 21(1), pp. 1–14.

20. Banerjee S.C., Greene K., Krcmar M., Bagdasarov Z., and Ruginyte D. (2008). The role of gender and sensation seeking in film choice. *Journal of Media Psychology*, 20(3), pp. 97–105.

21. Bentler P.M. (1990). Comparative fit indexes in structural models. *Psychological Bulletin*, 107, pp. 238–246.

22. Bentler P.M. (1995). EQS structural equations program manual. Encino, CA: Multivariate Software.

23. Bösche W. (2009). Violent content enhances video game performance. *Journal of Media Psychology*, 21(4), pp. 145–150.

24. Bösche W. (2010). Violent video games prime both aggressive and positive cognitions. *Journal of Media Psychology*, 22(4), pp. 139–146.

25. Bryant F.B. & Yarnold P.R. (1998). Principal-components analysis and exploratory and confirmatory factor analysis (pp. 99–136). In L.G. Grimm & P.R. Yarnold (Eds.), *Reading and understanding multivariate statistics*, Washington, D.C.: American Psychological Association.

26. Bushman B.J. & Geen R.G. (1990). Role of cognitive-emotional mediators and individual differences in the effects of media violence on aggression. *Journal of Personality and Social Psychology*, 58(1), pp. 156–163.

27. Bushman B.J. & Stack A.D. (1996). Forbidden Fruit versus Tainted Fruit: effects of warning labels on attraction to television violence. *Journal of Experimental Psychology: Applied*, 2(3), pp. 207–226.

28. Bushman B.J., & Cantor J. (2003). Media ratings for violence and sex: implications for policymakers and parents. *American Psychologist*, 58(2), pp. 130–141.

29. Bushman B.J. (1995). Moderating role of trait aggressiveness in the effects of violent media on aggression. *Journal of Personality and Social Psychology*, 69(5), pp. 950–960.

30. Buss A.H., & Durkee A. (1957). An inventory for assessing different kinds of hostility. *Journal of Consulting Psychology*, 21, pp. 343–349.
31. Conrad S.D. & Morrow R.S. (2000). Borderline personality organization, dissociation, and willingness to use force in intimate relationships. *Psychology of Men and Masculinity*, 1(1), pp. 37–48.
32. Ferguson C.J. & Rueda S.M. (2010). The hitman study. Violent video game exposure effects on aggressive behavior, hostile feelings, and depression. *European Psychologist*, 15(2), pp. 99–108.
33. Gentile D.A. & Bushman B.J. (2012). Reassessing media violence effects using a risk and resilience approach to understanding aggression. *Psychology of Popular Media Culture*, 1(3), pp. 138–151.
34. Gough H.G., & Heilbrun A.B. Jr. (1983). *The adjective check list (ACL): Manual*. Palo Alto, CA: Consulting Psychologists Press.
35. Jöreskog K.G., & Sörbom D. (1989). *LISREL 7 user's reference guide*. Chicago: SPSS Publications.
36. Krahe B., Möller I., Kirwil L., Huesmann L.R., Felber J., & Berger A. (2011). Desensitization to media violence: links with habitual media violence exposure, aggressive cognitions, and aggressive behavior. *Journal of Personality and Social Psychology*, 100(4), pp. 630–646.
37. Marsh H.W., & Grayson D. (1995). Latent variable models of multitrait-multimethod data. In R. Hoyle (Ed.), *Structural equation modeling: Concepts, issues and applications* (pp. 177–198). Thousand Oaks, CA: Sage.
38. Ramos R.A., Ferguson C.J., Frailing K., & Romero-Ramirez M. (2013). Comfortably numb or just yet another movie? Media violence exposure does not reduce viewer empathy for victims of real violence among primarily Hispanic viewers. *Psychology of Popular Media Culture*, 2(1), pp. 2–10.
39. Schermelleh-Engel K., Moosbrugger H., & Müller H. (2003). Evaluating the fit of structural equation models: Tests of significance and descriptive goodness-of-fit measures. *Methods of Psychological Research*, 8, pp. 23–74.
40. Schumacker R.E., & Lomax R.G. (1996). *A beginner's guide to structural equation modeling*. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates.
41. Shostrom E.L. (1963). *Personal orientation inventory*. San Diego, CA: EdITS/ Educational and Industrial Testing Service.
42. Steiger J.H. (1990). Structural model evaluation and modification: An interval estimation approach. *Multivariate Behavioral Research*, 25, pp. 173–180.
43. Unz D., Schwab F., & Winterhoff-Spurk P. (2008). TV News – The Daily horror? Emotional effects of violent television news. *Journal of Media Psychology*, 20(4), pp. 141–155.
44. Zuckerman M. (1994). *Behavioral expressions and psychological bases of sensation seeking*. New York: Cambridge University Press.
45. Zuckerman M., Eysenck S., & Eysenck H. J. (1978). Sensation seeking in England and America: Cross-cultural, age, and sex comparisons. *Journal of Consulting and Clinical Psychology*, 46, 1, pp. 139–149.

Зубакин Максим Владимирович, ассистент кафедры психологии развития, философско-социологический факультет, Пермский государственный национальный исследовательский университет, maxzubakinpsy@rambler.ru.

Дорфман Леонид Яковлевич, профессор, заведующий кафедрой психологии и педагогики, Пермский государственный институт искусства и культуры, dorfman07@yandex.ru.

Поступила в редакцию 4 апреля 2014 г.

SELF-CONCEPT, PERSONALITY AND PERCEPTION OF VIOLENCE SCENES (BASED ON FEATURE FILMS MATERIALS). PART 1

*M.V. Zubakin, Perm State National Research University, Perm, Russian Federation,
maxzubakinpsy@rambler.ru*

*L.Ya. Dorfman, Perm State Institute of Art and Culture, Perm, Russian Federation,
dorfman07@yandex.ru*

The purpose of this research is to identify the role of personal characteristics as mediating elements between one's self-concept and psychosemantical assessment of feature movies containing violence scenes. Main focus is made on discussing theoretical and empirical background of studying perception of violence in the media. The article contains the results of both the review and the analysis of classic and contemporary ways of research on the impact of violence on the individual and his self-concept, indicating the existence of two directions of such research. The first one is concentrated on studying the direct impact of violence scenes on cognitive and emotional processes, as well as the spectator's behavior. The second way is concentrated on studying the influence of viewer's internal dispositions (psychological traits, attitudes, beliefs, etc.) on peculiarities of perception of violence and estimated attractiveness of these scenes. Proceeding from the research materials, there is a definite shortage of studies on the role of self-concept in the perception of violence. Lack of information about the relationship between self-concept and the character of psychosemantical assessment of such media, in addition to having a relation with personality traits that define the nature of this assesment study allowed to identify the problem of the research which is the need to study the role of personality traits as mediators between self-concept and estimation of violence.

Keywords: self-concept, polymodal self-concept, self-actualization, psychosemantic assessment, violence in the media.

Received 4 April 2014